

SLAVICA SLOVACA

Ročník 52 • 2017 • 2

SLAVISTIKA

Hlavný redaktor: Peter Žeňuch

Redakčná rada:

Desislava M. Atanasova (Bulharsko), Mojmir Benza, Václav Čermák (Česká republika),
Mária Dobriková, Ján Doruľa, Júlia Dudášová-Kriššáková, Adriana Ferenčíková,
Martin Hurbanič, Daniela Konstantinová (Bulharsko), Jaromír Krško,
Ján Lukačka, Šimon Marinčák, Zuzana Profantová, Ján Stradomski (Poľsko),
Elena S. Uzeňovová (Ruská federácia), Cyril Vasil' (Taliano), Peter Zubko, Peter Žeňuch

Výkonná redaktorka: Katarína Žeňuchová

Technický redaktor: Juraj Molčányi

Adresa vydavateľa a sídlo redakcie:

© Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava, IČO: 31750940

© Slovenský komitét slavistov, Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava, IČO: 30842913

OBSAH

ŠTÚDIE

E. UZENEVA: St. Nicholas in the folklore of the Old Believers in Bulgaria	103
A. E. БОЧКАРЕВ: О жалости и смежных понятиях в русском языковом сознании	110
M. ВАЛЕНЦОВА: Моравская и сilesкая демонология в чешско-словацком культурном ареале	122
M. HRIBOVÁ: Historické a kultúrne kontexty slovenských nárečí v Srbsku I.	133

ROZHLADY

P. ŽEŇUCH: Komisie pri Medzinárodnom komitáte slavistov – postavenie a činnosť. <i>Aktuálny stav a perspektívy</i>	150
J. DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ: Významné dielo o dejinách slovenčiny v predpisovnom období Doruľa, J.: Slováci medzi starými susedmi / Môžu byť aj Slováci starí? Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Slovenský komitét slavistov. 2015. 488 s.	162
R. LAPKO: Ján Švec-Slavkovián a jeho preklad breviára	168

SPRÁVY A RECENZIE

P. ŽEŇUCH – J. DORULA: Informácia o akreditačnom hodnotení činnosti Slavistického ústavu Jána Stanislava SAV za roky 2011-2015 medzinárodným panelom zahraničných expertov	177
J. SKLADANÁ: Optimistických osemdesiat rokov profesora Ivora Ripku	181
P. ŠMERINGAIOVÁ – M. STRÝČKOVÁ: Konferencia Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov	182
M. PROKIPČÁKOVÁ: Konferencia o slovanskej hymnografii vo Viedni	183
M. CHOCHOL: Zasadnutie Medzinárodnej komisie pre Slovenský jazykový atlas na Slovensku	184
S. ZAVARSKÝ: ALMÁSI, G. – ŠUBARIĆ, L. (eds.): Latin at the Crossroads of Identity. The Evolution of Linguistic Nationalism in the Kingdom of Hungary	186
M. PROKIPČÁKOVÁ: ŽEŇUCH, P. – NIKOLOVA, S. (eds.): Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru	189
L. WILŠINSKA: ŽEŇUCHOVÁ, K. – КИТАНОВА, М. – ŽEŇUCH, P. (eds.): Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach (zo slovanskej etnolingvistiky)	190
J. BILSKÝ: Pádový synkretizmus v slovanských jazykoch	192

SLAVICA SLOVACA

Ročník 52 • 2017 • 2

SLAVISTIKA

МАРИНА ВАЛЕНЦОВА*

Моравская и силезская демонология в чешско-словацком культурном ареале¹

VALENTSOVA, M: Moravian and Silesian demonology in Czech and Slovak cultural areal. *Slavica Slovaca*, 52, 2017, No. 2, pp 122-132 (Bratislava).

The article analyzes the pre-Slavic and Carpathian lexicon, borrowings of different times and specific terms in Moravian terminology of the mythological characters, considering the all-Slavic background. Based on the comparison and confrontation of demonological vocabulary and beliefs of the Moravian and Moravian-Silesian ethnographic regions with the Czech and Slovak regions, the isoleks and isodoxes that connect or separate these three closely related West Slavic regions, and partly continue in Slovenian and Croatian dialects.

Ethnolinguistics, Moravian demonology, mythological vocabulary, arealogy, Slavic archaic zones, Slovak-Moravian-Czech isoglosses.

Имея своей целью исследование проблемы славянского этно- и плоттогенеза, этнолингвистика стремится к реконструкции древней славянской культуры и ее лексики. Перспективным с этой точки зрения является изучение мифологической лексики, учитывая древность входящих в нее слов. Как и другие сферы языка, она изменяется, обновляется, заимствуется, однако, принадлежа к сакральной сфере, сохраняет архаические слова и смыслы, в том числе и при смене или сдвиге первичного значения (например, слав. *div-* ‘дикий’ < и.-е. *deǵu-* ‘бог, божественный’²). Анализ изменения семантики общих терминов в разных славянских языках и диалектах – одна из задач сравнительной лексикологии при реконструкции семантической структуры праязыка. С другой стороны, мифологическая лексика, и особенно лексика низшей мифологии, в большой степени склонна к заимствованиям, преимущественно из неродственных языков, для создания непонятных и поэтому устрашающих терминов-названий демонических персонажей и их речи. Пути и время заимствования мифологических слов также помогают установить обстоятельства языковых контактов, их время и продолжительность.

Прежде чем проводить сравнительно-сопоставительные исследования мифологической лексики славянских языков, необходимо собрать по возможности полный и репрезентативный материал по каждой из традиций и подвергнуть его разностороннему анализу.

* Марина Михайловна Валенцова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, Ленинский пр., 32А, 119991 Москва.

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ №17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический подход» (рук. – акад. С.М. Толстая).

² Дукова, У.: Наименования демонов в болгарском языке. Перевод с немецкого К. Задея. Отв. ред. И. А. Седакова. Москва: Индрик, 2015, с. 35.

Чтобы восполнить одну из лакун в описании славянских систем мифологических персонажей, была собрана (из разных источников – этнографических, словарных, архивных, научных) и проанализирована моравская и силезская демонологическая терминология, которая, кажется, не была еще предметом целенаправленного изучения.

Между тем территория Моравии относится к области ранней славянской колонизации (ее заселение славянами происходило в конце V – начале VI вв.) Через Моравию, так называемые «Моравские ворота», проходил один из путей миграции славян на Балканы, а также торговые пути с Дуная к Балтийскому морю. Борьба и сосуществование с германскими племенами и государствами обусловила большое количество немецких заимствований в языке и в культуре. В XVI в. до Моравии, восточная часть которой географически принадлежит Карпатскому региону (Моравско-Силезские Бескиды, Яворник), дошла валашская колонизация со своим горским типом хозяйствования и культуры. Все это вместе создало специфику и этноязыковую неповторимость региона, традиционная народная культура которого не только хорошо сохраняется до наших дней, но и реконструируется (например, в с. Влчнов восстановлен и ежегодно проводится «королевский обряд» на Троицу).

В общеславянском масштабе моравские диалекты (моравско-словацкий, валашский, ганацкий, моравско-силезский) обеспечивают своеобразный «переход» между словацкими и чешскими говорами³, непрерывное языковое развитие и постепенные изменения в направлении восток–запад, продолжают на востоке в карпато-украинских и других западно-украинских говорах, а на западе – в сербо-лужицких языках. Движение славян на запад, связанное с Великим переселением народов, и заселение современной территории Моравии и Чехии, не было единовременным и однонаправленным; существовали и внелингвистические факторы, менявшие или модифицировавшие языковую и этническую ситуацию в исследуемом регионе.

В отличие от мифологических верований, сюжетов и мотивов, многие из которых являются общим индоевропейским наследием (например, поверья о волке-оборотне, о домашней змее, о людях со сверхъестественными способностями⁴), собственно система мифологических персонажей (далее – МП) и ее терминология в том виде, как она сохранилась до наших дней, сформировалась достаточно поздно, когда индоевропейские племена расселились на новых обширных территориях и когда сложились основные черты их языков (иллюстрацией этого тезиса могли бы служить карты и комментарии к статье «Ведьма» (Sorcière, колдунья, witch, hexe, bruja, strega) в «Лингвистическом атласе Европы»⁵). Об этом свидетельствует также факт, что у славянских и наиболее близкородственных балтийских народов практически нет общих мифонимов (их единицы).

В отдельных славянских традициях набор МП определяется особенностями обитаемой территории (ее рельефом, климатом, природными особенностями), а терминология отражает также историю языка, включая языковые контакты каждого этноса, или даже отдельных региональных групп в его составе.

³ Аналогичные выводы, полученные на материале календарной обрядности см. в: Валенцова, М. М.: Народный календарь чехов и словаков. Москва: Индрик, 2016.

⁴ См., например, разбор мифологических мотивов, касающихся ведьм и колдовства в Штирии, имеющие параллели в европейских традициях, в книге: Mencej, M.: Styrian Witches in European Perspective. Ethnographic Fieldwork. London: Palgrave Macmillan, 2017. 454 s.

⁵ Atlas Linguarum Europae. Volume I, septième fascicule. Cartes et Commentaires. Par G. Eklund, A.V. Dybo, H. Francconie / N. Contosopoulos, E. Beltechi / N. Mocanu, J. Siatkowski, R. Caprini / M. Alinei, A. Timuška. Roma: Istituto poligrafico e zecca dello stato, 2007, s. 169-225, карта 1.79.

Тем не менее, в основе моравской (как и любой другой славянской) терминологии – определенное количество сохранившихся праславянских корней, нередко имеющих индоевропейские соответствия, и, как правило, имеющих общеславянское распространение, например: *maral/moral/mūra* (праслав. **mora* с неясными отношениями с **mara*⁶), *boh/bůh/bohoň/božec/bohuňa* (либо **bogъ*, близкое по форме и значению др.-перс. *baga-*, либо **bogatyъ* ‘богатый’ и далее связанное с и.-е. лексикой означающей ‘доля’, ‘делить’, ‘наделять’⁷), *čaroděnik/čaroděnica, čarovník/čarovnice* (праслав. **čar-* ‘делать, колдовать’⁸), *vlkodlak* (праслав. **vlk-+dlak-* ‘в волчьей шерсти’⁹), *věščica/věštica* (праслав. *věšťь, věštica* ‘ведьма, ведунья’¹⁰, праслав. **věst-* < **věd-to*¹¹), *vodník* (праслав. **voda* ‘вода’¹²), *větrica, povětroň* (праслав. **větrъ* ‘ветер’¹³) и др.

В дальнейшем в этих общеславянских наименованиях могли происходить семантические изменения, например, в моравской традиции «вештица» обозначает преимущественно дикуню лесную женщину: *věščica, f* ‘дивоженка’¹⁴. *věščica, veštica* ‘дивоженка’, ‘гадалка’ (ляш.)¹⁵, *věštka* ‘дикая женщина’¹⁶, *vješčka* ‘дивоженка; полудница’ (валаш.)¹⁷, *zvěščka, f* ‘дивоженка’ (Пршеровско, ганац.)¹⁸, *věštice, věštáci (zvěštáci)* ‘дикие люди’¹⁹. В чешском и словацком основные значения этого термина – ‘ведьма’, ‘гадалка’: чеш. *věštikyně, f* ‘ведьма, чародейница’ (Новы Быдждов, с.-в.-чеш.)²⁰, *věštec, věštikyně, věščiče* ‘колдунья, гадалка’²¹, словац. *veštík (-šč-), m* ‘приорицатель’, в.-словац. *veščec = veščuch*²², *veštica, f (veštec, m)* ‘знахарка, ведьма’ (Терхова, Орава)²³, *veštica* ‘гадалка (по зеркалу), колдунья’ (Липтовске Слияче)²⁴. То же значение и в других славянских языках: словен. *veščā* ‘ведьма’, с.-х. *veštica* ‘ведьма’, макед. *veštica* ‘ведьма’, болг. *veštica, veštica* ‘ведьма’²⁵.

На основании сравнения мифологической лексики в разных славянских языках и регионах можно предполагать, что наиболее древняя мифологическая лексика была

⁶ Трубачев, О. Н. (ed.): Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Москва: Наука. Вып. 19, 1992, с. 214.

⁷ Трубачев, О. Н. (ed.): Этимологический словарь славянских языков, op. cit. Вып. 2, 1975, с. 161.

⁸ Трубачев, О. Н. (ed.): Этимологический словарь славянских языков, op. cit. Вып. 4, 1977, с. 22-23.

⁹ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého. Fotoreprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha: Lidové noviny, 2010, s. 695.

¹⁰ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 686.

¹¹ Фасмер, Москва: Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 2. Москва: «Прогресс», 1986, с. 304.

¹² Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 696.

¹³ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 692.

¹⁴ Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský. Praha, 1905–1906. D. 1–2, s. 480.

¹⁵ Archiv lidového jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, Dialektologické oddělení, Brno.

¹⁶ Kott, Fr. Št.: Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1910, s. 135.

¹⁷ Kazmír, S.: Slovník valašského nářečí. Valaško-český, česko-valašský. Rozšířené vydání zpracované pouze na CD (Slov1.doc) Sest. S. Kazmír, 2007.

¹⁸ Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit. s. 553.

¹⁹ Máchal, J.: Bájesloví slovanské. V Praze: Nákladem J. Otty, 1907, s. 100.

²⁰ Archiv lidového jazyka, op. cit.

²¹ Elektronický slovník staré češtiny. Praha, oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2006–, přístupné online: <http://vokabular.ujc.cas.cz> (verze dat 1.1.2, citován stav ze dne 10. 8. 2017).

²² Káral, K.– Káral, M.: Slovenský slovník z literatúry aj nářečí (Slovensko-český diferenciálny). V Banskej Bystrici: Tlačou Slovenskej Grafie v Banskej Bystrici, 1923, s. 767.

²³ Časopis Museálnej slovenskej spoločnosti. Red. A. Sokolík. Turč. Sv. Martin: Mus. slov. spol. Roč. 10 (1907), № 1, s. 10.

²⁴ Ondrejka, K.: Čo rozprával sváko Vajda. Výber rozprávok Jána Vajdu Tichého z Liptovských Sliacov zaznamenal a publikáciu zostavil Kliment Ondrejka. Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska. Zv. VII. Bratislava: Prebudená pieseň, 2000, s.113.

²⁵ Плотникова, А.А.: Этнолингвистическая география Южной Славии. Москва: Индрик, 2004, с. 648–656.

немногочисленной, достаточно обобщенной и семантически недифференцированной²⁶; имена основных МП, репрезентирующих персонифицированные наиболее существенные явления окружающего мира и жизни самого человека, дифференцировались с помощью уточняющих определений (например, *баба – железная баба, ржаная баба, водяная баба, лесная баба, золотая баба; женщина (женка) – водная женка, лесная женка, подземная женка; мать – мать земли, мать ветра, мать ржи; дева – дикая, лесная, водяная, морская, моровая панна; змей – летающий змей, огненный змей, змей-любовник* и т.п.); эти определения позже становились самостоятельными терминами (например, рус. *водяной, домовый*, морав. *vodný* или как суффиксальные формы существительных).

И в моравской демонологической системе такие имена (с определениями или без них) – *divá baba, divá žena, lesní panna, vodná panna, bílá panna, bílá, vodný muž, vodný, domácí dědy a bábu* и др., а также мифонимы с «определениями»: *had hospodář, had s korunkou, baba Jaga* – очевидно, структурно более древние, чем, например, однословные отглагольные, отадъективные и т. п., «оформленные» производные термины, такие как *vodník, hospodářček, polednice, podvrženče, nekrštenec, vědomkyňa, čaroděnica, krupovodič* и т.п.

Для определения относительной хронологии появления демонимов может помочь, в частности, изучение заимствований. Общие заимствования свидетельствуют либо о длительном совместном развитии соответствующих диалектов и культур, либо о субстратно-адстратных отношениях, либо о более высоком, например, государственном статусе соседнего языка.

В моравской демонологической терминологии есть заимствования разного времени и уровня: общеславянские: *drak* ‘дракон; черт’ (< лат. *dracō* или нем. *Drache*), *tamon(a)* (< греч. *μαμώνας* < арамей. *ma'mōn*)²⁷, *Meluzína*, f ‘дух ветра’ (< фр. *Mélusine* ‘неопределенный МП, похожий на русалку’); средневековые германские заимствования, общие для западно- и южнославянских: *perkmaniček, permon(ik), perkajst* ‘горный дух’ (< нем. *Bergmann, Berggeist* ‘горный дух, гном’) или только для западнославянских диалектов: *hastrman, basrmon, hasrman* ‘водяной’ (< нем. *Wasserman* ‘водяной’), *luckové* ‘домашние божки’, *luček* ‘горный дух’, ‘домашний божок’ (вероятно, калька с нем. *die Leute* ‘люди’), *skřítek, skřat* ‘домашний дух, дух-обогатитель’ (нем. *Schrat* ‘гном, леший’); заимствования, обнаруженные пока только в моравском: *haušpiĝl, hanšpiĝl*, (вероятно, из нем. *hauen* ‘ударять, бить, рубить’, горн. ‘добывать, отделять’²⁸ + *Spiegelei* ‘яичница-глазунья’, т.е. досл. «полученный, добытый из яйца, при разбивании яйца»); *heršpiĝl, eršpiĝl* (< нем. *her* ‘отделяемая глагольная приставка, указывающая на происхождение’, или *Her* ‘господин’ + *Spiegelei*, досл. «(господин)из-яйца»), *eršpiĝl* (< нем. *er* ‘он’ или *Her* с утратой анлаута + *Spiegelei*, досл. «тот-из-яйца»)²⁹; общекарпатские (и карпато-балканские) заимствования из венгерского и румынского: *bosorka, bosorák, stryga, střiha* ‘ведьма’, *šarkan* ‘дракон, погодный демон’, о которых чуть ниже; другие заимствования: *špiritus* ‘домашний дух-обогатитель, змок’ (< лат.), *devla* ‘дивоженка’ (< цыган. *devla* ‘бог’).

²⁶ См. выводы Л.Н. Виноградовой об архаической полесской демонологии: Виноградова, Л.Н.: Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. Москва: Индрик, 2016. С. 65-66, 74-75.

²⁷ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého. op. cit., s. 126, 350.

²⁸ Заимствование горной лексики объясняется приглашением немецких мастеров и колонистов для горной разработки и обучения горному делу.

²⁹ Надежно определить происхождение названия персонажа в народной демонологии затруднительно – мотивация в этой области не имеет четких правил и может отражать индивидуальное словотворчество. Неудовлетворительным кажется и предположение об отражении в этом мифониме нем. *Eulenspiegel* ‘непоседа’ (Зайцева, Н.И. Мифологическая лексика... op. cit., с. 102-103).

Сохраняя древние слова и старые заимствования, моравская демонологическая терминология продолжала развиваться, по-новому оформляя унаследованные корни, изменяя их семантику и формируя новые термины с использованием собственных языковых средств. Такими собственно моравскими можно назвать термины: *čaramura*, *čaromúra* f ‘ведьма’³⁰ (образованный, видимо, редупликацией заговорных слов *čáry-máry*, *čury-mury*, с контаминацией с *múra* ‘мора’)³¹; *húkalky*, *hukávkvy*, *húkaleny*, pl. ‘лесные жены, вилы’, привлекающие к себе людей пением и «гуканьем»³²; *hodoňka*, f ‘лихорадка’ (словацкое Поморавье, по названию г. Годонин, где она больше всего встречалась)³³; *jarošek (had)*, m ‘домашняя змея, хозяин, скрштитек’³⁴; *jerášek* ‘название *поветропей*’ (окр. Всетина)³⁵; *koruženka*, f ‘дивоженка’³⁶; *mokeš*, *mokrýšek*, *mokříš* ‘какой-то демон’, имя которого сохранилось только в поговорках о хилых детях, о людях, страдающих недержанием мочи (Лугачовске Залеси)³⁷ – возможно, в связи со средневековым названием созвездия Водолей, ассоциативно (эвфемизм?) связанного с мочеиспусканием, о чем можно думать на основании сравнения с с.-х. *tokreš*, m, употребленным в рукописи XV в. как перевод лат. *aquarius*, греч. ὕδροχόος ‘Водолей’³⁸, и др.

Однако культурная лексика, как и лексика вообще, не могла развиваться в изоляции. Моравская терминосистема имеет ряд общих демонимов и связанных с ними сюжетов и мотивов со словацкой традицией. К ним относится, например, *maga*, f ‘персонаж, которых пугали детей’: *Nechod’ ven, chytne ťa Maga* [Не ходи на улицу, схватит тебя Мага] (Валашско)³⁹. Как Мага выглядела, никто не знает, только говорили, что ходит она ночью, а на рассвете сразу исчезает. На Гане говорили: *Přide na tě maga s krvavým nebo koňským okem* [Придет за тобой мага с кровавым (или: конским) оком] (ганац., Конице)⁴⁰. *Maga* ‘мифический персонаж, который ходит во тьме, хватает детей и убивает их «кровавым мечом»’⁴¹. Можно предполагать, что персонаж конструировался из бытующих в традиции мотивов, в частности, узнаваем мотив кровавого меча (ножа), заимствованный из образа страшной Перехты. Словацкая *Maga* – также ‘злое существо, которое хватает детей’, но еще и ‘болезнь’: *Magalena ho zařala* [Магалена вступила] ‘о боли в пояснице’ (зволен.)⁴², и ‘ведьма’: *řuga maga řa vzala!* ‘ведьма тебя забери’⁴³. Слово признается неясным⁴⁴.

³⁰ Václavík, A.: Výroční obyčeje a lidové umění. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1959, s. 186;

Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit. s. 44.

³¹ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 95.

³² Sobotka, R.: Bajné bytosti na Valašsku. Sestavil, graficky upravil, úvodem a doslovem opatřil Richard Sobotka. Příležitostný tisk. 2005, s. 13–14; Václavík, A.: Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hané. Luhačovice: Nákladem Musejní společnosti v Luhačovicích, 1930, s. 417, 317.

³³ Bartoš, F.: Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč: Nákladem českého knihkupectví E. Šolce, 1892, s. 218; Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. 1-7. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny J. Koláře (1 díl) a knihtiskárny F. Šimáčka (d. 2-7), 1878-1893. (<http://kott.ujc.cas.cz>). Díl 6, s. 323.

³⁴ Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit., s. 130.

³⁵ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník, op. cit., díl 6, s. 487.

³⁶ Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit. s. 155.

³⁷ Václavík, A.: Luhačovské Zálesí, op. cit., s. 420.

³⁸ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Dio 6. Zagreb 1904-1910: 907.

³⁹ Bartoš, F.: Lid a národ. Sv. 1. Velké Meziříčí: vydává Fr. Bayer, 1883, s. 130; Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník, op. cit., díl 6, s. 913.

⁴⁰ Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit. s. 189; Archív lidového jazyka, op. cit.

⁴¹ Archív lidového jazyka, op. cit.

⁴² Kálal, K.–Kálal, M.: Slovenský slovník..., op. cit., s. 319.

⁴³ Kálal, K.–Kálal, M.: Slovenský slovník..., op. cit., s. 696.

⁴⁴ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 347.

Такое же непонятное и этимологически темное слово – *mola*. В Силезии пугали детей: *Mola idě! Mola!* [Мола идет! Мола!]; это также ‘опухоль, бубон, нежизнеспособный бесформенный зародыш у женщины’⁴⁵; В. Махек приводит силез. *mola* ‘какое-то страшное лицо’, сопоставляя его со словац. *molok* ‘водяной’, *molek*, которое, по его мнению, скорее всего, из нем. *Molch*, т.е. ‘саламандра’⁴⁶, ср. еще: *mole*, f ‘яйцо без зародыша’, ‘уродец, недоносок’⁴⁷. Словац. *molek*, m ‘водяной’⁴⁸ *molok (-ek)* ‘то же’⁴⁹. В чешском у этого слова нет намека даже на мифологизированную болезнь, чеш. *molek* ‘пьяница’ (впрочем, это значение есть и в ганацком, центрально-моравском диалекте)⁵⁰.

Еще одной моравско-словацкой изоглоссой, благодаря специфическому морфологическому оформлению праславянского корня **věd-*, является морав. *vědomkuňa*, f (морав.-словац., горняц.) ‘низший уровень знахарки-«богини» (*bohyně*)’⁵¹ – словац. *vedomkuňa*, f ‘ведьма, гадалка’⁵² – случай позднего, общего для моравского и словацкого, морфологического оформления общеславянского корня.

Морав. *vozorka*, *vozorák*, *vozieráč*, m ‘колдун, колдунья’ считаются фонетическими вариантами заимствования *bosorka*, *bosorák* (морав.-словац., словац.)⁵³. Они (особенно форма *vozieráč*) дают возможность видеть народноэтимологическое сближение с глаголами *zříti*, *zriet’* ‘смотреть, видеть’, *vzor* ‘смотрение, взгляд’, *zrak* ‘взгляд’; эти трансформации еще раз убеждают в семантической тождественности в народной культуре глаголов ‘знать, ведать’ и ‘видеть’, ср. еще чеш. *videc*, -dce, книжн. тот, кто видит будущее, прорицатель, = *věštec*⁵⁴, словен. *vidovina* – то же, что *vedomec*, *vedavec* ‘знахарь; ведьмак’⁵⁵.

Общими для моравской и словацкой демонологических систем являются карпатские лексемы, обозначающие ведьму и погодного демона – дракона:

bosorák, m, *bosorka*, *bosorkyňa*, f ‘ведьма’ и ‘ведьмак’⁵⁶, *bosorka* ‘дикая женка’, ‘злая ведьма’, также *bosora*⁵⁷, *bosorka*, f ‘ведьма’ (Словацко)⁵⁸, *bosor* ‘колдун’⁵⁹, валаш. *bosora*, *bosorka* ‘дивоженка’, ‘ведьма’, ‘баба яга’⁶⁰, *bosóri* ‘знахари (*božci*)’ (Лугачовске Залеси)⁶¹ (< венг. *boszorkány*, первоначально ‘дух умерших’, ‘страшилище’, потом ‘ведьма, баба яга’ и под., а оно из тюрко-татар. **basyrkan* ‘мора’, от *bas-* ‘давить’)⁶²

stryga ‘ведьма’⁶³; *stryga* ‘ведьма, дивоженка’ (валаш.)⁶⁴; *střiha* (бранное) ‘ведьма’ (*stryga*)⁶⁵,

⁴⁵ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník, op. cit., díl 6, s. 1022.

⁴⁶ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 373.

⁴⁷ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník, op. cit., díl 7, s. 1378.

⁴⁸ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník, op. cit., díl 7, s. 1328; Košťál, J. Vodník v podání lidu českého. In: ČL I 1891, s. 52.

⁴⁹ Kálal, K.–Kálal, M.: Slovenský slovník..., op. cit., s. 340.

⁵⁰ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník, op. cit., díl 1, s. 1061.

⁵¹ Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit., s. 478, 296; Archív lidového jazyka, op. cit.

⁵² Kálal, K.–Kálal, M.: Slovenský slovník..., op. cit., s. 972.

⁵³ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 61.

⁵⁴ Slovník spisovného jazyka českého, <http://ssjc.ujc.cas.cz/>

⁵⁵ Kropěj, M.: Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana: Mohorjeva, 2008, s. 315-316.

⁵⁶ Bartoš, F.: Moravský lid, op. cit., s. 142.

⁵⁷ Kazmír, S.: Slovník valašského nářečí, op. cit.

⁵⁸ Niederle, L. (ed.): Moravské Slovensko, op. cit., s. 718; Archív lidového jazyka, op. cit.

⁵⁹ Зайцева, Н.И.: Мифологическая лексика..., op. cit., с. 213.

⁶⁰ Kazmír, S.: Slovník valašského nářečí, op. cit.

⁶¹ Václavík, A.: Luhačovské Zálesí, op. cit., s. 433.

⁶² Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 61.

⁶³ Atlas slovenského jazyka. [D.] IV. Lexika. Časť druhá. Úvod – komenráre – dotazník – indexy. Bratislava, 1984, s. 233.

⁶⁴ Kazmír, S.: Slovník valašského nářečí, op. cit.; Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit., s. 408.

⁶⁵ Kott, Fr. Št.: Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku..., op. cit., s. 109.

striga, f ‘ведьма’ (Всетин)⁶⁶, ‘колдунья’, ‘вампир’ (ляш.)⁶⁷, *střyga*, f ‘ведьма’, ‘растрепанная женщина’ (бранное)⁶⁸, *striga*, *stryga* (морав.-словац.) ‘ведьма’, ляш. *střiha*, *střyga* ‘то же’⁶⁹.

Эти слова представлены во всех языках карпатского ареала с значением ‘колдун’, ‘ведьма’ и имеют продолжение на Балканах: словац. *bosor*, *bosorák*, *bosorkáň* (< венг.) ‘колдун’⁷⁰, укр. бойков. *bocop*, *bocyp*, ю.-лемк. *bocopkoui*⁷¹, пол. *bosiorka*, *bosorka*⁷², с.-х. *bosorka*, венг. *boszorka*, румын. *bosorcáic*⁷³. Словац. *striga*⁷⁴, словац. горал. *stršiga*, пол. *strzyga*, румын. *strigă*⁷⁵, словен. *štrija*, *štriga* ‘ведьма’, хорв. *štriga* ‘то же’⁷⁶. Чеш. *striga* (раньше также *stryga*), f. (заимствование из словацкого) ‘злая ведьма’, ‘злая, неопрятная женщина’⁷⁷, хотя логичнее было бы говорить о заимствовании из моравских диалектов.

В Моравии как самой западной, маргинальной карпатской зоне эти термины приобретают дополнительные значения – ‘дивоженка’, ‘баба яга’, ‘вампир’, что указывает на включенность карпатских заимствований в собственную терминосистему.

Еще один карпатизм – *šarkan*, *šarkaň* ‘дракон’ (морав.-словац.)⁷⁸. *Šarkan* ‘какое-то злое существо, чудовище с длинным хвостом’ (слц. и морав.)⁷⁹. Скорее всего, из моравского слово попало в чешский (хотя Словарь литературного чешского языка считает непосредственным источником заимствования словацкий)⁸⁰: чеш. *šarkan*, нар., и словац. ‘мифический дракон’⁸¹. Шире распространен демоним в словацком: *šarkan*, *šarkaň* ‘мифическое существо, приносящее (летом) бурю и гром’, ‘крылатый дракон’; *šarkan preletel*⁸², *šarkan* ‘летающий змей, олицетворение бури’ (*šarkan preletel* ‘буря’)⁸³, *šarkan*⁸⁴. Также карп.-укр. *шаркань* ‘летающий змей, поедающий солнце, или стерегущий воду и не дающий ее людям’⁸⁵, лемк. *шаркан* ‘сильный ветер, буря’⁸⁶, пол. *siarkaň* ‘многоголовый крылатый дракон’⁸⁷, с.-серб., хорв. славон. *šarkanj*, румын. *șărcăn*⁸⁸, болг. банат. *шаркан*⁸⁹.

⁶⁶ Archív lidového jazyka, op. cit.

⁶⁷ Зайцева, Н.И.: Мифологическая лексика..., op. cit., с. 264.

⁶⁸ Archív lidového jazyka, op. cit.

⁶⁹ Machek, V.: Etymologický slovník jazyka českého, op. cit., s. 582.

⁷⁰ Kálal, M.: Slovenský slovník..., op. cit., s. 35.

⁷¹ Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2002, с. 47–48.

⁷² Санникова, О.В.: Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. канд. филол. наук. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Москва: 1990, с. 245.

⁷³ Atlas slovenského jazyka. [D.] IV. Lexika. Časť druhá. Úvod – komentáre – dotazník – indexy. Bratislava, 1984, s. 233.

⁷⁴ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava: Veda, 1995. [D.] 2, s. 202; Etnografický atlas Slovenska. Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry. Bratislava: Veda, 1990, s. 84, mapa 9, 11.

⁷⁵ Atlas slovenského jazyka, op. cit., s. 232–233.

⁷⁶ Плотникова, А.А.: Этнолингвистическая география... op. cit., с. 648–649.

⁷⁷ Slovník spisovného jazyka českého, op. cit.

⁷⁸ Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit. S. 417.

⁷⁹ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit., Díl 8, s. 399.

⁸⁰ Расхождение в определении источника заимствования карпатских слов не содержит противоречия, а зависит от точки зрения. Если для авторов словаря моравские диалекты включены в чешский национальный язык, то естественно источником заимствования служит словацкий. Для этнолингвиста же в данном случае единым – в карпатской перспективе – представляется словацко-моравский ареал, и именно через карпато-моравские диалекты термины были заимствованы в чешский.

⁸¹ Slovník spisovného jazyka českého, op. cit.

⁸² Kálal, K.– Kálal, M.: Slovenský slovník..., op. cit., s. 669.

⁸³ Dobšinský, P.: Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Turč.S. Martin: Tlačou Kníhtlač účastinár. spolku – Nákladom vydavateľovým, 1880, s. 116.

⁸⁴ Etnografický atlas Slovenska, op. cit., s. 84, mapa 9.

⁸⁵ Гура, А.В.: Символика животных в славянской народной традиции. Москва: Индрик, 1997, с. 286, 289.

⁸⁶ Гура, А.В.: Символика животных..., op. cit., с. 293.

⁸⁷ Санникова, О.В.: Польская мифологическая лексика..., op. cit., с. 110.

⁸⁸ Плотникова, А.А.: Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. Москва: ИСЛ РАН, 2013. С. 54.

⁸⁹ Гура, А.В.: Символика животных..., op. cit., с. 289.

С другой стороны, западной, моравские диалекты через пояс смежных языковых и культурных диалектов (чешско-моравская область Высочина) примыкают к чешским диалектам; в течение последнего тысячелетия чехи и мораване находились в составе одного государства, и это не могло не наложить свой отпечаток в том числе на терминологию традиционной культуры. Среди общих мифонимов оказались диалектные образования (неизвестные другим славянским языкам), общие заимствования и новые термины, среди которых:

mamidlo ‘то, что сводит путников с пути’ (Лугачовице), *tamona* не отпустит путника, пока он не бросит какую-либо вещь (Липова). «Мамидлом» могла быть палка, лежащая в лесу, большой гриб или трава – кто их носит с собой, блуждает, охваченный дивной силой (Шумице)⁹⁰. *Mamidlo, tamilo, tamona, otam* ‘страшилища’, появляющиеся в антропоморфном или зооморфном виде, часто без головы, или в виде предметов (Лугачовске Залеси)⁹¹. *Mam* ‘страшилище’⁹², *tamictvo* ‘страшилище, персонификация блуждающих огней’⁹³. Заимствование *tamona* включено в это гнездо на основе народноэтимологического сближения с глаголом **mamiti* ‘обманывать, выманивать, обольщать’. В других славянских языках **mami(d)lo* не имеет мифологического значения⁹⁴, а болгарские производные от **mam-* имеют семантику ‘демон-обогадитель’ или ‘ведьма’⁹⁵.

Из новых персонажей общими для моравских и чешских диалектов являются *nemodlenec* (Валашко)⁹⁶, *nemodlenka* (Петрувка, Банов)⁹⁷, которыми пугали детей, если они не хотели молиться перед сном. В чешском – *nemodlenka, nemodlena, nemodlenec* ‘то же’⁹⁸, *nemodlínek* ‘страшилище’; *nemodlílky* ‘вид водных дев, молодых, красивых девушек, которые хватают девиц, не любящих молиться’⁹⁹. Термин уже включен в чешскую мифологическую систему, он «притянул» к себе традиционные мотивы и получил дальнейшую спецификацию, ср. например: *nemodlenka, f* – название для «ночной муры» (мотылёк *noční můra*), когда она влетит в комнату на свет¹⁰⁰; вне дома мотылёк называется только *můra* (Страконице, Волыне, ю.-чеш.)¹⁰¹.

Еще одно ночное существо, которым пугали детей, гуляющих до ночи на улице, – морав. *nocul’a*¹⁰², чеш. *nocula*¹⁰³ ‘то же’. Иногда *nocula* – ‘дивоженка’, подобная *poluночнице* (*půlnočnici*), которая утаскивает детей, гуляющих допоздна¹⁰⁴. Однокоренное словац. *počnica* с иным значением: ‘ночной демон, мешающий ребенку ночью спать, сосущий его грудь’¹⁰⁵ – имеет параллели не в чешско-моравском, а в восточно-славянском ареале.

⁹⁰ Niederle, L. (ed.): Moravské Slovensko, op. cit., s. 713.

⁹¹ Václavík, A.: Luhačovské Zálesí, op. cit., s. 426.

⁹² Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit., s. 191.

⁹³ Kott, Fr. Št.: Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku..., op. cit., s. 53.

⁹⁴ Трубочев, О.Н. (ed.): Этимологический словарь славянских языков, op. cit. Вып. 17, 1990, с. 189-190.

⁹⁵ Дукова, У.: Наименования демонов в болгарском языке. op. cit., с. 111-113.

⁹⁶ Sobotka, R.: Bajné bytosti na Valašsku, op. cit., s. 17.

⁹⁷ Niederle, L. (ed.): Moravské Slovensko, op. cit., s. 707.

⁹⁸ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 2, s. 124; Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 9, s. 185; Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 7, s. 1337.

⁹⁹ Kott, Fr.Št.: Třetí příspěvek k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologickému (Archiv pro lexikografii a dialektologii. Č. 4). Praha: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906, s. 205.

¹⁰⁰ Демонологическая номинация бабочки по имени *моры/мары/муры*, персонажа, давящего на грудь, душащего во сне; верили, что душа *моры* прилетает в виде ночной бабочки вредить людям.

¹⁰¹ Archiv lidového jazyka, op. cit.

¹⁰² Bartoš, F.: Dialektický slovník moravský, op. cit. s. 237.

¹⁰³ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník... op. cit. Díl 6, s. 1202.

¹⁰⁴ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 10, s. 213.

¹⁰⁵ Dobšinský, P.: Prostonárodné obyčaje..., op. cit., s. 115; Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. op. cit., d. 2, s. 62.

Как в чешском, так и в моравском латинское заимствование *špiritus* стало употребляться наряду со славянскими терминами *smok, zmek, rarášek, šotek*, а также *skřítek* (есть разные взгляды на его этимологию), обозначающими духа-обогапителя, которого выводили из яйца черной курицы (Злинско)¹⁰⁶, ср.: *vyseděl špiritusa (skřítku)* [высидел духа (скршитка)] (Валашско)¹⁰⁷. *Špiritus, špirek* носил деньги хозяину; но кормить его надо было только молоком от абсолютно черной коровы. *Špirek*, или *špiritus* – дух, подобный рарашку¹⁰⁸. Чеш. *špiritus, špirek* ‘дух, рождающийся из яйца черной курицы, которое носили под левой подмышкой, или появляющийся при взбивании масла, и который помогает людям’¹⁰⁹.

Объединяющими моравский, словацкий и чешский этнолингвистические ареалы признаком можно считать наличие «градоотгонной» мифологии и самого термина для облакопрогонника: чеш.-морав. *krupovidač, m. = zaklínač, vodič mračen* «заклинатель, тучеводитель»¹¹⁰, *krupovodič, m.* ‘кто отводит, прогоняет (градовые) тучи’¹¹¹, морав. *zaklínač*, или *vodič mračen*¹¹². Конечно, поверья эти не столь выразительны и многочисленны, как в горных регионах Северных Карпат – севернословацких, южнопольских, карпатоукраинских (связанные с персонажами: словац. *chmurník, planetník, veterník, čiernokňažník*¹¹³, пол. *chmurnik, planetnik*, карп.-укр. *гонимарник, градобурник*)¹¹⁴, и значительно отличаются от балкано-славянских поверий об облакопрогонниках (серб. *облачар, градобранитељ, вјетровњак*, черногор. *здуваћ, стуха*, хорв., словен. *кр(е)сник*¹¹⁵), нет здесь и балканского мотива борьбы человека, обладающего особыми магическими способностями, с погодным демоном (или двух погодных демонов).

Однако в чешско-моравско-словацком ареале сюжет о людях, умеющих воздействовать на погоду, выражен более ярко, чем, например, в Полесье и в других восточнославянских традициях, где отгон градовых туч и бури носил индивидуальный характер и практиковался непосредственно перед или во время ненастья. Например, «при появлении градовой тучи мужчина выходил на порог и махал в сторону тучи хлебной лопатой и скатертью» (житомир.), впрочем, эта практика сохранилась и у сербов: тучу отгоняли крещением рукой или сакральным предметом или яркими пестрыми платьями, платком, которым подвязывали рот покойнику¹¹⁶. «Представлений о людях или духах, способных воздействовать на тучи, которыми так богата южнославянская и западнославянская традиции, в Полесье немного. Обычные ответы на вопрос о людях, умеющих «отворачивать» тучу, получаемые в Полесье, ограничиваются самым общим воспоминанием, что такие люди были и что они отгоняли тучу с помощью заговора»¹¹⁷.

В западнославянском ареале практика воздействия на погоду зафиксирована в документе XII в. из Чехии, где говорится, что чародеи и чародейницы, обвиненные в заклин-

¹⁰⁶ Bartoš, F.: Lid a národ. Sv. 1. Velké Meziříčí: vydává Fr. Bayer, 1883, s. 129.

¹⁰⁷ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 9, s. 331.

¹⁰⁸ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 10, s. 428; Sobotka, R.: Bajné bytosti na Valašsku, op. cit., s. 17.

¹⁰⁹ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 7, s. 865.

¹¹⁰ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 7, s. 1306.

¹¹¹ Kott, Fr. Št.: Česko-německý slovník..., op. cit. Díl 6, s. 755.

¹¹² Zibrť, Č.: Seznam pověr a zvyklostí pohanských z VIII. věku. Praha: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1894, s. 122.

¹¹³ Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska, op. cit., d. 1, s. 72.

¹¹⁴ Левкиевская, Е.Е.: Облакопрогонники. In: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 3. Москва: Международные отношения, 2004, с. 452-454.

¹¹⁵ Плотникова, А.А.: Южные славяне..., op. cit., с. 54, 58.

¹¹⁶ Толстой, Н.И.: Очерки славянского язычества. Москва: Индрик, с. 133-134.

¹¹⁷ Толстой, Н.И.: Очерки..., op. cit., с. 147-148.

нании туч, гибли после жестоких допросов в огне костров. Несмотря на запреты церкви, древняя традиция сохранилась, «и до сих пор (о чем у меня есть свидетельства) прокрадывается тайно на поле облакопрогонник и либо словами из книжки, либо читая наизусть, закрепощивает, заклинает тучи, грозно выходящие на горизонте, чтобы шли они на пустыни, на горы, на скалы, на пустые воды, чтобы там своим бурным градом толкли и били, а на полях не лили и не падали»¹¹⁸.

В Моравии, однако, представления о возможности управлять грозными облаками не сформировали особого персонажа с собственным наименованием, но вплетены в образ знахаря – *božca*, как одна из его специфических функций: *božec*, т, *bohoň* ‘добрый колдун’, который мог отвести град с полей на горы; его называли также *zaklínač* (Валашско-)¹¹⁹. Моравского шептуна (*zaříkávač*, *zaříkač*), называли так потому, что он умел не только заговаривать и исправлять зло, причиненное ведьмами, но с помощью тайных заговоров, трав и книг отводить от села градовые тучи, то есть *vodit’ mračna* – «чтобы град не побил хлеба и чтобы ливень землю не залил» (*aby krúpy nepotlkly obilé a aby lejafce zemju neučápaľ*)¹²⁰. У знахарей-облакопрогонников были книжки, из которых они читали заговоры, но делали это в полном одиночестве (Лугачовске Залеси)¹²¹. Знахари-«заклинатели», *zaklínače* и *zaříkávačé*, называемые также *zaklínač mračen* «заклинатель туч» или *sváděč krup* «отводящий град», утверждали, что пока живы, в том месте, где они живут, град не будет бить урожай. При появлении градовых туч такой заклинатель туч уходил к ручью или реке, брел против течения, закрепощивая тучи и отводя их с полей на горы или на другое пустое место¹²².

Если правильны высказанные выше мысли о том, что апеллятивные и неспециализированные термины, при необходимости уточненные адъективами или другими средствами, являются более архаичными единицами мифологической терминологии, то естественен вывод о том, что и полесская, и моравская демонологические системы сохранили более древнее состояние, когда любой «знающий», любая «ведьма» могли воздействовать на погоду (в последнем случае и в негативном смысле – вызвать бурю и град).

На Карпатах же появилась общая инновация – специализация погодной магии и формирование класса специалистов–повелителей туч и бурь. Эта инновация, унесенная миграционными потоками на юг, была развита, дополнена иноязычными и иноэтническими элементами верований и представлений и сформировала специфическую мифологию погодных демонов, ярко представленную у южных славян, а в средние века оказавшую обратное влияние и на карпатские традиции того времени.

Проанализированные в статье примеры словацко-моравско-чешского связей в мифологических представлениях и терминологии показывают этнолингвистическую непрерывность этой территории. Карпатские черты, заметные в словацкой демонологии постепенно убывают по направлению к Моравии, практически теряясь в чешских землях. Наоборот, заимствованные немецкие мифологические элементы, термины и поверья, достаточно распространенные в Моравии, еще встречаются в западной Словакии, «мерцают» в средней ее части (в северных областях) и пропадают в восточной. Через восточную Словакию, в свою очередь, продолжают изоглоссы в карпатоукраинскую зону и далее в восточнос-

¹¹⁸ Zíbrt, Č.: Seznam pověr..., op. cit., s. 121-122.

¹¹⁹ Sobotka, R.: Bajné bytosti na Valašsku, op. cit., s. 7-8.

¹²⁰ Václavík, A.: Luhačovské Zálesí, op. cit., s. 432.

¹²¹ Václavík, A.: Luhačovské Zálesí, op. cit., s. 433.

¹²² Bartoš, F.: Moravský lid, op. cit., s. 171.

лавянский ареал – западноукраинские говоры и далее в Полесье. Хронология изоглосс была затронута в статье лишь в очень общем виде; она требует дальнейшего и более детального изучения истории и диалектологии каждой отдельной лексемы.

Все три мифологические традиции, бегло рассмотренные в статье, несмотря на общие и частные изоглоссы, соединяющие и разделяющие их, несмотря на наличие культурных диалектов внутри каждой из них, представляют собой целостные самостоятельные системы, с собственной терминологией и специфическим набором сюжетов и мотивов. В этом смысле моравскую традицию целесообразно изучать как отдельный этнолингвистический комплекс.

Moravian and Silesian demonology in Czech and Slovak cultural areal

Marina Valentsova

Moravia belongs to the archaic regions of Slavia and up to nowadays has preserved its ethnic and dialectic identity. The lexical fund of Moravian dialects is well documented in dictionaries. Nevertheless, the mythological terminology of the Moravians has not been studied intentionally. The article analyzes one group of Moravian mythological vocabulary – the names of mythological characters - in comparison with the neighbouring closely related systems of demons' terminology - Slovak and Czech. Particular attention is paid to the terms and beliefs that unite and share these three traditions. The marginal carpathianism of the Moravian demonology is shown, due to the continuation of Carpathian plots and terms in eastern Moravia and their translation into Czech lands. Also the isoglossal connections of the Moravian lexical items in Slovenian and other South Slavic languages are noted at a glance. In general, taking into account the Moravian-Polesian parallels, one can speak about the preservation in the Moravian region of archaic mythological beliefs and terminology, despite the strong German influence and the violent European history of the region.